

У писателей Казахстана новый лидер

На XV съезде Союза писателей Казахстана состоялись выборы нового председателя. Им стал Улугбек Есдаулет. Возглавлявший писательскую организацию с 1996 года 70-летний Нурлан Оразалин заявил, что не будет выдвигать свою кандидатуру на должность руководителя

Есдаулет Улугбек окончил факультет журналистики Казахского государственного университета им. С.М. Кирова и отделение поэзии Высших литературных курсов при Литературном институте им. А.М. Горького. Его книги переводились на разные языки мира. Действительный член-академик Академии журналистики Казахстана. Почётный академик Академии гуманитарных наук. Почётный профессор Семейского университета им. М.Ауэзова. Почётный член национального Союза писателей Киргизстана и член международной Академии поэзии тюркского мира.

С 2008 года Есдаулет Улугбек работает главным редактором литературного журнала «Жұлдыз». Лауреат премии Ленинского комсомола Казахстана, фестиваля поэзии тюркоязычных стран, международной литературной премии «Алаш», Государственной премии РК. Кавалер Золотой Есенинской медали России. Лауреат премии «Алтын жұлдыз» Академии журналистов Казахстана. Неоднократный победитель республиканских поэтических состязаний «Мушайра».

Исполком Международного сообщества писательских союзов поздравляет выдающегося казахского поэта Улугбека Есдаулета с избранием на пост председателя Союза писателей Казахстана и выражает уверенность, что творческие связи между писателями Казахстана и всех писательских организаций, входящих в МСПС, будут развиваться и крепнуть.

Народный поэт возглавил мастеров слова Узбекистана

Народный поэт Узбекистана Сирожиддин Сайид был избран председателем на внеочередном собрании Союза писателей Узбекистана. Он сменил 76-летнего Мухаммада Али, который работал на этой должности с 2013 года

Сирожиддин Сайид окончил факультет журналистики Ташкентского государственного университета. До назначения на должность председателя СП Узбекистана работал редактором в журналах «Литература и искусство Узбекистана» и «Шарк юлдузи» («Звезда Востока» на узбекском языке).

Автор поэтических книг «Карта моей души», «Страна любви», «Сохрани», «Отдай свою веранду ласточкам», сборника эссе «А любовь остается...» и др. Перевёл на узбекский язык многие стихи А.Вознесенского, Б.Ахмадулиной, В.Высоцкого, А.Файнберга. Его стихи и эссеистика широко публиковались в России, Азербайджане, Турции, Корее, Таджикистане и Туркменистане.

Кадровые перемены в Союзе писателей Узбекистана вызваны не только естественным процессом омоложения руководящих кадров, но и новыми масштабными задачами, которые стоят перед писателями. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев в постановлении «О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности Союза писателей Узбекистана» утвердил беспрецедентные для постсоветских стран меры поддержки писателей и узбекской литературы.

В частности, глава государства поручил разработать конкретный план по обеспечению членов союза, активно занимающихся творчеством,

жильём по льготным ипотечным кредитам, предоставлению писателям медицинских льгот, а дома творчества СП поручил обеспечить качественной производственной продукцией по доступным ценам. Также президент распорядился укрепить материально-техническую базу территориальных отделений союза, обеспечить каждое из них служебным легковым автомобилем за счёт средств общественного фонда "Ижод", председателем попечительского совета которого является премьер-министр Узбекистана. Подумал Шавкат Мирзиёев и о том, где писатели будут прово-

дить свои мероприятия — для этих целей им безвозмездно предоставят свои залы вузы страны. Масштабная помощь государства предусмотрена в издании и распространении книг. Установлена обязательная выплата издательствами гонораров не ниже уровня, установленного государством.

Исполком МСПС поздравляет Сирожиддина Сайида с избранием на пост председателя Союза писателей Узбекистана, желает ему успешного претворения в жизнь масштабной государственной программы по поддержке писателей и литературы и выражает уверенность, что многолетняя плодотворная деятельность СП Узбекистана в составе МСПС будет успешно продолжена.

В 13-й раз на крымской земле прошёл фестиваль, посвящённый памяти одного из самых ярких поэтов Серебряного века Николая Гумилёва. Гумилёв несколько раз бывал в Крыму, именно тут он написал своих знаменитых «Капитанов», здесь же увидело свет первое издание его книги «Шатёр»

Благодаря коктебельскому энтузиасту Вячеславу Ложко, который проводил первые фестивали и поставил памятник в Коктебеле на свои деньги, сегодня этот праздник стал уже международным. Вручается Всероссийская премия имени Н.С. Гумилёва, в этом году её лауреатами стали руководители Брянской и Орловской писательских организаций, поэты Владимир Сорочкин и Андрей Фролов. От Республики Крым почётной всероссийской премии удостоена член Союза писателей РК Лариса Афанасьева.

Открытие фестиваля состоялось в республиканской библиотеке имени И.Я. Франко. Гостей приветствовала начальник управления музейного и библиотечного дела Министерства культуры Республики Крым Елена Эмирова. А затем всех собравших порадовал своим выступлением Камерный хор Крымской государственной филармонии «Таврический Благовест» под руководством заслуженного деятеля искусств АР Крым, лауреата Государственной премии РК Владимира Николенко.

С большим интересом все собравшиеся слушали известного оренбургского скульптора Александра Сукманова, который привез два варианта памятника Гумилёву. Один из них — поэт сидит в военной форме на скамейке, а второй вариант — бюст. Мнение собравшихся разделились. Одним приглянулся вариант на скамейке, а я же, как и многие другие, считаю, что Гумилёв

не камерный автор, а поэт и воин, и его лучше изобразить стоящим или идущим навстречу судьбе в порыве — в памятнике должна быть запечатлена экспрессия, движение. Решать, конечно, будущей комиссии, если Министерство культуры Республики Крым выделит деньги на памятник.

Из Симферополя мы традиционно отправились в Коктебель. Там гостей и участников фестиваля приятно удивил концерт учащихся и творческих коллективов городской детской школы искусств. У памятника Гумилёву всех собравшихся приветствовали глава администрации Феодосии Сергей Фомич и глава Коктебельской поселковой администрации Валентина Прохоренко. Потом выступали поэты и писатели Москвы, Брянска, Орла, Крыма, Днепропетровска. Было о чём поговорить и что обсудить.

Главным событием дня стал поэтический и бардовский марафон «Мой мир, волнующий и странный» с участием новых лауреатов гумилёвской премии, а также почётных гостей фестиваля и победителей поэтического конкурса учащихся школ Феодосии, Коктебеля и Щebetовки.

В последний день фестиваля мы выступили в центральной библиотеке Феодосии. Тут нас встретили поэты и писатели

со всего Крыма, а не только местные любители поэзии. Разговор состоялся интересный и содержательный. Приятным завершающим мероприятием пребывания в Крыму стало посещение знаменитого музея прекрасного художника-мариниста Айвазовского.

Что можно сказать в заключение? Отрадно, что организация фестиваля перешла от одного энтузиаста к культурному центру региона — Крымской республиканской научной библиотеке имени И.Я. Франко. Ведь именно сотрудничество писателей и работников библиотечной сферы является самым плодотворным. Хотелось бы выразить благодарность коллективу библиотеки за ту большую организационную работу, которую они провели, чтобы праздник поэзии на Крымской земле прошёл на высоком уровне.

Владимир ПОЛУШИН

Не могу молчать

Отклики на статью Станислава Куняева «Съезд победителей»

Всё не так, ребята...

«"Российский писатель" — официально, это не сайт Союза писателей России. Это частная собственность Николая Дорошенко. Нашей организации принадлежит лишь маленькая новостная колонка "В Союзе писателей России"», — заявил председатель правления СПР Николай Иванов на встрече с представителями новой, «непризнанной» писательской организации Оренбуржья, состоящей, что удивительно, из ядра, фактической основы прежней известной и мощной организации писателей области.

И что же выходит: на своём сугубо личном сайте Дорошенко самовольно выражает якобы мнение всего правления Союза писателей России?.. А согласны ли секретари с этим сомнительным «мнением»?

Пётр Краснов, Диана Кан, Наталья Кожевникова, Павел Рыков, Александр Филиппов, Валерий Кузнецов, Владимир Петров и другие известные оренбургские писатели, давние члены СПР, пригласили главу большого Союза для беседы в областной Дом литераторов имени С.Т. Аксакова — коллегам было важно получить разъяснения о дальнейшей судьбе их творческого объединения. Пригласили, не надеясь на успех, потому что буквально за день до встречи были расставлены все точки над i: Николай Иванов принял участие в общем собрании Оренбургской региональной писательской организации Союза писателей России, где объявил, не вдаваясь в детали, что в каждом крае или области должна быть только одна региональная организация СПР.

Сказал — как отрезал, словно выстрелил в упор в оренбургскую литературу.

«Признание» признанных авторов не состоялось, на их место ускоренными темпами уже пришло большое количество авторов начинающих, но получивших точно такие же красные корочки. Взамен высоким руководителем было обещано прислать некую ссылку на запретительное постановление о создании двух и более организаций в одном регионе от министерства юстиции. Мол, всё, что могу...

Раскол прежде монолитного регионального СПР на легитимную и нелегитимную части — чёрный день в истории писательского сообщества Оренбургской области. Писатели, прославившие свой край, оказались ненужными ни местным союзным функционерам, ни, как оказалось, московским. Потоки заказной грязи со страниц «неофициального», по словам руководителя, сайта СПР льются на головы моих коллег, пишутся многочисленные клеветы, жалобы, подмётные письма, возбуждаются иски, инициированные свежеспечённым председателем «легитимной», по решению того же Иванова, организации. Два с лишним года продолжается разнузданная травля пятнадцати писателей, осмелившихся сказать «нет» произволу и групповщине в рядах своей некогда единой региональной организации.

Что же ставят им в вину, чем они так насолили нынешнему руководству Союза?

О конфликте внутри Оренбургской областной общественной писательской организации было известно давно. В 2016 году в газете «День литературы» вышла статья Александра Филиппова «Для объединения пришлось... размежеваться», где подробно изложены причины создания нового творческого объединения в Оренбуржье. Никто не мешал руководству СПР России именно тогда приехать в Оренбург и на месте разобраться в сложной ситуации, выслушать две стороны, найти компромисс, не дать целому расколоться на две части.

Секретарь правления Пётр Краснов и главный редактор альманаха «Гостинный Двор» Наталья Кожевникова писали и звонили в Москву, ставили руководство в курс происходящего, искали выход из простой ситуации. Но всё тщетно — молчанье было им ответом, в то время и.о. председателя Николай Иванов не нашёл ни времени, ни сил, ни желания устранить эту наболевшую проблему.

А вот «Дорошенко & К» сочли появление новой организации личным оскорблением, определили врагов, взяли прицел и стали стрелять залпами из всех кривых стволов «Российского писателя», так и не потрудившись дойти до сути возникшего разлада, сделав нужные им выводы. Фантазии Дорошенко можно только позавидовать, процитирую: «...у оренбургской власти уже создано в виде красновской организации нечто подобное прачечной по отмыву бюджетных денег». Смелое утверждение не мальчика, но мужа.

Правда, совершенно бесосновательное.

Хватит ли у Дорошенко мужества и совести принести оренбуржцам извинения, если глава организации Наталья Кожевникова предоставит сайтодержку выписку со счёта организации за всё время её недолгого существования и докажет, что ни копейки бюджетных там нет и не было?

В устах Дорошенко обвинение во вступлении «новой» организации, состоящей из членов СПР, в ассоциацию с региональной организацией СПР было самым главным и страшным. Но ранее на своём личном сайте он пафосно изрекал: «...даже и Союз писателей России объединялся в ассоциацию с СПР, чтобы вместе пробить закон о творческих союзах». Значит, уставом СПР подобные ассоциации не запрещены.

Спасибо за информацию, Николай Иванович.

Тем более, что наша ассоциация юридически никак не оформлена, а представляет собой обыкновенный договор, подразумевающий проведение совместных литературных мероприятий, и только. Каждый из нас остаётся в своём союзе, но мы вместе проводим Международный фестиваль содружества национальных литератур «Красная гора», Всероссийский семинар для молодых авторов «Мы выросли в России» и массу других нужных и объединяющих наше разобщённое общество писательских проектов.

Если быть точным, два наших крупнейших форума за пять лет проведения посетили девятнадцать почётных гостей из СПР и десять гостей из СРП. Примерно такое же соотношение авторов, публикуемых в литературном журнале «Гостинный Двор», в адрес которого разместил Дорошенко на «Российском писателе» поносную статью «Проходной двор» с откровенными нападениями на журнал и его главного редактора Наталью Кожевникову, более десяти лет проработавшую на этом посту.

Да, прав был Николай Иванов, заявляя о непричастности СПР России к пресловутому сайту Дорошенко «Российский писатель». Не мог бы СПР России так резко менять отношение к столь уважаемому изданию, где печатались и печатаются такие известные поэты и прозаики, как Владимир Костров, Нина Ягодничева, Сергей Куняев, Анатолий Аврутин, Марина Саввиных, Камилль Зиганшин, Александр Кердан, Арсен Титов и многие другие.

А вот выдержки из поздравительной телеграммы правления Союза писателей России, посвящённой двадцатилетию «Гостинного Двора» и подписанной Валерием Ганичевым и Геннадием Ивановым:

«Уважаемая Наталья Юрьевна, дорогие коллеги и друзья! "Гостинный Двор" все эти годы являлся авторитетнейшим ду-

ховным, культурно-просветительским и нравственно охранительным центром пограничья Русского мира. Дай Бог вам сил, здоровья, веры, надежды, любви и желания работать на благо русской культуры и литературы!»

Сравните с выдержками из росписательской статейки:

«Н.Ю. Кожевникова засиделась в редакторах и стала наводить свои порядки...», «Замалчивались многие оренбургские авторы, в том числе, молодые, несмотря на то, что они отправляли материалы главному редактору альманаха...», «Упал и общий уровень публикуемых материалов...»

Кто и где это сказал, тем более — доказал? Сам перечень его авторов однозначно опровергает это! Согласитесь, бред какой-то, как будто возраст литератора влияет на качество его рукописи. Но именно литературное качество является главным для публикации в «Гостинном Дворе», и если не хватает этого качества явно, то что же делать главному редактору? Превратить журнал в отстойник графомании...

Жаль, но приходится признать очевидный факт — политика сайта «РП» крайне однобока, да и сам он весьма странный, мягко говоря, приветствующий прикормленную класку. Попробуй только написать что-то вразрез с мнением Дорошенко — тут же набегут и закусают. На «Российском писателе» происходит самый настоящий круговорот «жертв». Сегодня травят одного, завтра другого, а через некоторое время возвращаются к первому. Пикселей для охавания хватает с излишком.

Сейчас по новой продолжается травля Светланы Замлеловой. А наибольшее возмущение вызывают заведённые Дорошенко анонимные комментарии на сайте, позволяющие всяким недобросовестным авторам и заведомым клеветникам сводить свои личные грязные счёты и разносить сплетни «под опущенным забралом», как выразился однажды М. А. Шолохов о любителях псевдонимов. Худшего, чем эта анонимная «помойка», нельзя и придумать, чтобы ссорить и стравливать писателей, ругать и без того проблемное единство писательских рядов. И Дорошенко, надо сказать, намеренно и довольно изопрённо дирижирует этой скандальной сварой... Если хочешь выразить своё — говори под своим именем, а не бесчинствуй на земле, обратив очи к небу! Получается прямо по Высоцкому: «И ни церковь, ни кабак — ничего не свято!»

Николай Дорошенко не дал высказаться — опубликовать оренбургским писателям свой, лишённый вранья и предвзятости материал. Получается, ему абсолютно безразлична судьба сотоварищей по Союзу — известных всей России оренбургских писателей. Он только разжигает костёр лжи, щедро поливая бензином потухшие поленья, а потом отходит в сторону и прячет руки за спину, показывая, как ловко могут карать литературные функционеры за инакомыслие. Дорошенко позволил на своём сайте писать клеветнические измышления про Петра Краснова — выдающегося русского прозаика, чей правдивейший, глубочайший и трагичный до боли роман «Заполье» лично я считаю шедевром.

Пётр Краснов обратился к председателю без предисловий: «Я знаю, что вы приехали к нам не разбираться в ситуации, не мирить противоборствующие стороны...» А жаль, Николай Фёдорович, это бы и должно быть главной целью вашего приезда в Оренбург. Я понял, светский ваш визит связан был только с церемонией награждения почётной грамотой СПР России прежнего председателя, допустившего раскол собственной организации, и подержкой нового, публикующего на «нео-

фициальном» сайте СПР России «Российский писатель» всякие инсинуации про своих коллег. Неужели не показалось вам заслуживающим внимания выступление на общем собрании «легитимной» организации писателя Юрия Мещанинова, сказавшего правду: «Молодые председатели замешаны во внутренних скандалах, из организации вышло около половины реально действующих, пишущих членов, и новым главой регионального отделения должен стать собиратель, а не разрушитель». Нет, не стал...

Я всегда с большим уважением относился к коллегам — членам Союза писателей России. У меня много друзей из этой уважаемой организации, перечислить всех не хватит ни времени, ни места. Все они люди достойные, крепкие писатели и поэты, многими я горжусь, большинство служат для меня примером в жизни и творчестве. Мудрая статья Станислава Куняева «Съезд "победителей"» пролила свет на тёмное закулисье писательского ремесла, показала на конкретных примерах жалкую возню завязанных интриганов. К счастью, потуги очернителей не имеют к истинной литературе никакого отношения. Зависть, алчность, неверие в свои силы, желание пробиться на вершину любой ценой двигают подобными людьми, вызывающими только брезгливость. Главный редактор «Нашего современника» смело взял за дрожжащие уши да и вытащил на солнышко писателей-ловчил и писателей-приспособленцев. Честь и хвала ему за это! Когда-то пел на всю страну Владимир Высоцкий:

Нет, ребята, всё не так!

Всё не так, ребята...

Есть повод и нашей пишущей братии серьёзно призадуматься над этими крылатыми строками.

Виталий МОЛЧАНОВ
г. Оренбурге

Ищут ли истину писатели?

Взгляд рядового гражданина России

Попробую понять суть происходивших на съезде и перед ним событий — информации в статье Станислава Куняева предостаточно.

В верности выбора Куняевым цитат из разных источников и разных авторов не сомневаюсь, хотя и переизбыток их ощущаю. Мелькнула мысль: не это ли «после драки махать кулаками»? Нет, надо, ибо такие явления, как перед XV съездом, характерны увы, не только для сегодняшнего дня. Речь-то идёт о сути писателя — специалиста в области литературы. Надо бы враждующим гражданам понимать, что писатель — в чём-то учитель простонародья. А получается, что у писателей страсти так высоко заскакивают, что рядовой честный труженик гораздо нравственнее их!

Не собираюсь обожествлять Станислава Юрьевича. Я написал ему с десяток писем о некотором его непонимании, но подчеркну, что в основном, с его принципами и поступками я согласен. И это главное в оценке Куняева как активного просвещённого общественного деятеля, нравственного в своих делах, в творчестве и поступках, хоть и не без огрехов. Я хорошо помню его сурово-правдивую самооценку: «Я — русский человек со всеми своими достоинствами и изъянами». Далёко не каждый скажет о себе так.

Как понять и оценить противостояние писателей, не имея достоверной инфор-

мации о достоинствах и пороках участников битвы? Лучше бы не соваться с догадками, но вопрос-то принципиальный, из области, как и зачем жить, и не только писателям. Похоже, подробности и не нужны, вывод и так очевиден: неудачники атакуют и побеждают более талантливых. Таково теперь состояние и в политике, и в культуре.

Неоднозначность понятий нравственности, ответственности и долга гражданина ярко, эмоционально проявилась у женщин-поэтесс по отношению к вчерашнему «Другу, Учителю, любимому Станиславу Юрьевичу». Несколько цитат хотя бы трёх поэтесс, способных привычно стрелять словами.

Светлана Сырнева (Киров): «Уважаемый, бесценный Станислав Юрьевич», «Дорогому и навек любимому», «Вы — беспорный лидер и властитель дум в деле укрепления национального самосознания русских людей», «Великолепный органи-

октитесь! Остановитесь! Не смейте руки поднимать на несомненно более важное, ценное, чем любые выгоды для себя лично! Ведь придёт час, ничем не оправдаетесь!»

Этих заметок, полагаю, достаточно, чтобы поразмышлять о принципах, идеалах и нужде-выгоде якобы писателей нашего смутного времени.

О чём спорят-враждуют, какие пороки обнаружили и за какие принципы, идеалы борются? Об этом можно и надо бы судить читателям. Да надо ли?! Книжки перестали читать. До Союза писателей массам нет никакого дела и пользы. Но всё же поразмышляю.

Какова же причина непримиримой реакции хотя бы только названных поэтесс на желание Куняева стать председателем Союза писателей? Знают, понимают, что он «богато одарённый человек». Им бы тихонько шепнуть ему на ушко: «Пожалей себя!». Нет, стиль их суров и по какому-то

на балкон!» — сочиняет поэтесса. Любопытно, у кого есть в деревне балкон? У дачников или пахаря?! «Отчего ж ему не пить! ... Отчего же не поспать! ... Отчего же не украсть! ... Отчего же им не хохотать! ... Но ласкает их природа, светят звёзды без конца, и беспечная свобода наполняет их сердца». Это чьи сердца беспечны?! Трудящихся, которых власть лишила надёжного рынка труда, вынужденных жить «на подножном на корму»?!

Надежда Мирошниченко. Название подборки стихов: «Пошли со мной: я знаю, где Россия...» Те же декларации, только более громкозвучные, укрепленные нелепой самоуверенностью и гордыней: «Я им говорила», «Что мы растворимся», «В своём же народе, и он ничего не поймёт. Молчите, славяне!», «Пришли россияне. И наши замкнулись уста».

Кому говорила? Собратьям по поэтическим страстям? Кто из народа «ничего не поймёт»? Поэтесса даже и не догадыва-

ние к слову: «Я сегодня поднимаюсь без печали За любую из ошибок за плечами... Я сегодня поднимаюсь без печали За умные разговоривать стихами!»

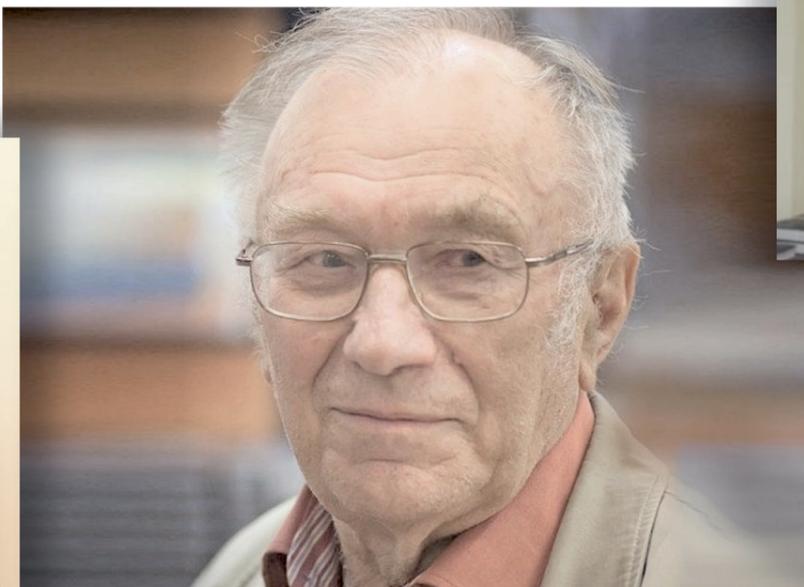
Да, с таким беспечным настроением можно — не грех! — и сплясать на печальном, со сплетнями и ложью, XV съезде писателей России.

Так какова причина, по которой эти и подобные им деятели литературы отвергли кандидатуру Куняева на пост председателя союза?

Они говорят высоким слогом и понятиями, а живут по-мещански. Они не ищут истину и не пытаются жить хотя бы по известным принципам нравственности. Они легко подчиняются кризису — требованиям дикого рынка и ищут выгоду.

«Богато одарённый человек» Ст.Куняев завтра уйдёт, а простоватый в литературе Н.Ф. Иванов будет править писателями. Кто будет устраивать поэтические встречи?! Решение очевидно.

«И несть конца...

моей благодарности...»

затар, опытный руководитель», «Благодаря Вашим высоким деловым качествам и мудрой, взвешенной политике».

Надежда Мирошниченко (Сыктывкар): «Дорогой Стас! Всё, что есть в моей литературной судьбе главного, это произошло благодаря тебе. Дорогой Учитель и Друг, спасибо за твой избранный однажды Русский путь, полный ухабов и звёзд, льда и солнца! За любовь к Русскому Слову и Русской поэзии и культуре», «И несть конца моей благодарности...»

Людмила Владимировна (Одесса): «Надежды, Веры, Добра Вам, Станислав Юрьевич! Неустанный Служения единственному, единому Отечеству! Многие лета! С уважением, благодарностью, теплом к вам...»

Те же перед XV съездом писателей: Сырнева: «В отечественной политике уже не осталось честных выборов: как правило, это борьба денежных мешков. А у нас — русский офицер против денежного мешка! Это впечатляет, это красиво. Союз писателей — последний бастион свободы».

Мирошниченко: «Станиславу Куняеву: Дорогой Друг и Учитель, не пачкай ты своего имени!.. Николаю Иванову: Дорогой Николай, вся провинция — за тебя!..»

Владимирова: «Станислав Юрьевич,

неведомому нам праву требователен: «Не пачкай ты своего имени!», «Не смейте руки поднимать!»

Председателю нужны разносторонние способности, но всё же, в первую очередь, талант писателя, его умение верно понимать нравственные потребности, идеалы народа, бороться за их торжество. Ст. Куняев всё это умеет. Что, состарился и потерял здоровье и силы? Не без этого. Но воли к борьбе за справедливый мир, чую, в нём ещё немало. Надо было допустить его, пусть на год, на два к руководству для перестройки союза на новый лад. Им бы, поэтессам, помня свою признательность Учителю, найти добрые для него слова да успокоить, а не сплясать на его отвергнутой кандидатуре.

А какие они поэтессы? Светлана Сырнева. Название подборки стихов (на семи страницах в «НС»): «Сон течёт по корням до ствола...» — видимо, эта поэтическая фантазия не для моего ума. Хорошо, но вот более прозаическое — «В деревне». Тема актуальная, давно известная и никем не решаемая. Автор обозначила тему и... оставила её как есть. Но поэтический стиль о трагической жизни народа похож на усмешку над ним, на злую иронию и ёрничанье.

«Хорошо в деревне летом выйти утром

ется о сложности глобальной проблемы смешения народов. Подсказать, хотя бы намекнуть, пусть и поэтическим языком: что делать?! Мало кивать на «Вавилон, Кащей» и надеяться на «Лукоморье», и на то, что «поможет Конёк-Горбунок». И надежду на будущее угадать бы более определённо, смирив пустую гордыню: «Молчи пока. Я знаю наизусть: Там, где сейчас разломы и разливы, Она жива — моя святая Русь».

Гордыня автора сквозит её стихах: «Проснись, народ! Мы проглядели счастье», «Знаете, что?.. Вы об этом со мною не спорьте!»

Какая надменность, какая самоуверенность!

Но и почувствовать, где Россия, непросто. У нас, в провинциальном Миассе, все первые этажи домов превратились в магазины, юрбюро и места прочих услуг, нередко с иностранным названием и духом — Россия ли рядом?!

Предположу, Мирошниченко побывала в разных городах ради вечеров литературы и поэзии; помню, бывала она в 80-е годы и в Миассе. Но читая её стихи, невольно спрашиваю себя: опускалась ли она до нужд народа? Ходила ли она хотя бы раз на демонстрацию, а если ходила, то с кем? Поступок — весьма важное допол-

Но опять, не слишком ли я строг и прямолинеен?! Ведь мир отбрасывает нравственность и ускоренно несётся к краху...

В нашем безумном мире писатели, поэты — почти невинные дети. Взгляните на телевидение — вот где взрыв самозабвения, лишь бы быть востребованными. Ведущие серьёзных программ строчат как из пулемёта, возбуждённо жестикуют, машут руками, головой — все уже на пределе! Здесь топором вырубает то, что написано пером! В заставках к программам мир взрывают, соединяют и опять разрушают его!.. Так что не простить ли столь «мелкие заблуждения» сторонников Н.Ф. Иванова?

Да, добро должно быть с кулаками. А ещё лучше, если бы добро обладало мудрой убеждённой, верой и силой притяжения. Ст.Куняев умеет держать удар, но лучше б не было такой потребности.

Вы верно поступали теперь, но думаю, вашу справедливую и необходимую борьбу за жизнь Союза писателей следовало бы начать гораздо раньше. Ну а если сочтёте возможным, перешлите это письмо трём поэтессам, которых я попытался понять.

А. В. УШКОВ

г. Миасс Челябинской области

Владимир ФЁДОРОВ

Под сенью веков и Кириллицы

Как бы ни умаляли идеологи прошлых лет роль личности в истории, но чем дольше живёшь, тем больше убеждаешься в обратном: именно отдельные выдающиеся люди совершают прорывы в науке и политике, поднимают на новые вершины культуру, литературу и искусство. Время от времени это случается на уровне планетарном, чаще — на более скромном, но не менее значимом. Впрочем, иногда события, кажущиеся поначалу лишь местными, обретают мировое признание. Главное, чтобы появилась та самая Личность с неуёмным желанием открыть глаза людям, встряхнуть их, создать, сотворить что-то совершенно необычное. Откуда берутся такие — одному Богу известно, но время от времени Провидение направляет их туда, где без них точно ничего бы не произошло. Именно таким образом «заглянув на неделю» из родной Армении в Болгарию, Карен Александян внезапно задержался на двадцать лет, а скорее всего — на всю оставшуюся жизнь. И не просто задержался — создал буквально в чистом поле настоящее духовное и материальное чудо — музейный комплекс «Двор Кириллицы»

Случилось это в Плиске, которая в далёком прошлом была болгарской πρωτοστοлицей, а теперь, по сути, представляет собой обычную деревню со старинными развалинами за околлицей. Но с Кареном Александяном случилось какое-то чудо: он вдруг как наяву увидел и объял вспыхнувшей душой неповторимую красоту и величие древнего славянского града, соперничавшего со столицей Византии, превосходившего Париж и другие средневековые гранды Европы, устремившего в небо колоннаду самого большого христианского храма в Старом Свете...

— Но особенно волнующим было то, — поделился с нами Карен, — что именно здесь родилась кириллица. Та самая азбука, с помощью которой написаны три тысячи книг моей домашней библиотеки и миллионы других. Я хорошо знаю историю четырёх азбук, но создатели ни одной из них не подвергались таким гонениям, не платили за свои труды такими страданиями и даже жизнями. Недаром целых восемь (!) прародителей кириллицы стали болгарскими и славянскими святыми — Кирилл и Мефодий, их ученики и последователи Климент, Наум, Ангеларий, Савва, Горазд, а также царь Борис I (в крещении Михаил), дружно принявший под свою опеку изгнанников Европы и давший им возможность завершить свои труды...

В этом месте надо сделать небольшое пояснение. Дело в том, что «просвещённая» Европа тех времён, как, впрочем, и нынешняя, отнюдь не приветствовала культурных и научных прорывов славян и была не в восторге от того, что «второсортные племена» начали обретать свою азбуку и письменность, создавать собственную духовную литературу. Поэтому для начала европейские богословы заявили Кириллу и Мефодию, что хвала Господу может возноситься только на трёх языках: еврейском, греческом и латинском, а всё остальное — ересь! Чтобы снять это обвинение, первоучителям пришлось в 868 году совершить поездку в Рим, где, слава Богу, только что вошедший на престол папа Адриан II поддержал их, утвердил богослужение на славянском языке, а Мефодия даже рукоположил в епископы. Правда, там же, в Риме, заболел и умер Кирилл, завещав брату продолжить общее дело. Вернувшись в Моравию, Мефодий немало претерпел от недругов, даже побывал в тюрьме, однако высокий авторитет и сан служили защитой ему самому и его последователям. Но как только Мефодий покинул земную длань, озлобленные церковники тут же набросились на его учеников. Кто-то был брошен в темницу, кто-то продан в рабство. Но нескольким удалось бежать в Болгарию — под защиту царя Бориса.

— Где-то вот здесь, — продолжил рассказ Карен, — в доме некоего вельможи Есхача, близкого друга царя Бориса, ученики Кирилла и Мефодия переработали глаголицу

первоучителей в кириллицу и представили её покровителю. Думая об этом, я мысленно увидел величественного и мудрого болгарского царя, восседающего на троне. Напротив него парили в небесах белые видения Кирилла и Мефодия, а между ними стояли буквы новой азбуки, выстроившиеся, как солдаты на параде. Так и родилась почти мгновенно идея создания духовно-исторического мемориала... Вы спрашиваете, откуда и почему это во мне вдруг проявилось? Уверен, что от мамы. Она была преподавателем литературы и привила мне любовь к чтению, интерес к истории, уважение к нашей армянской и славянской письменности. За всё, что она для меня сделала, я и посвятил ей этот мемориал.

Сегодня «Двор кириллицы», похожий на средневековую крепость или замок, —

ских зодчих и их умелые руки? Да ещё тем самым и протянуть духовную нить между двумя дружескими странами? Сказано — сделано! Осенью 2014 года Карен Александян привёз в болгарский «Двор» известного армянского скульптора Рубена Налбандяна и детально посвятил его в свои планы, обговаривая образ каждой буквы и украшающего её орнамента. Вернувшись на родину, Рубен собрал команду из 12 лучших учеников, и они принялись за дело. Первой скульптурой, предшествующей «параду букв», стал традиционный армянский символ — камень-хачкар с начертанными на нём словами единения двух древних народов и их христианской общности — подарок к грядущему 1150-летию крещения Болгарии. А потом пошли одна за другой 32 двухметровые буквы от «А» до «Я». Вес каждой был около 500 килограммов, и доставка их в Плиску тоже оказалась целой эпопеей. Немало пришлось потрудиться и с установкой на месте. Но зато теперь посмотреть на эти шедевры армянских мастеров — любо-дорого!

— Вот эта буква «С» символизирует свет, источник жизни, истины, божественного начала, — пояснил Карен, проводя нас вдоль шеренги резных литер-изваяний из коричневого туфа. — На букве «К» изображены колокола, похожие на красивые цветы, звенящие многоголосьем природы. «А» — начало человеческой истории от Адама, «Я» — божественный плод райского сада... Факел на букве «Ф» разрывает тьму и освещает путь нашего единства. Буква «Х» — храм, обитель Бога на земле, а на букве «Б», конечно же, вырезано изображение самого Бога, вознесённого на небеса, но близкого и любящего всех

своих тварей...

Рассказ Карена звучал, как духовная поэма, и был пронизан любовью и преклонением к воссозданной истории, к именам творцов славянской письменности. Чувствуется, что он часами может рассказывать о каждом из них, о прежней великой Болгарии, расстилавшейся на Балканах «от моря до моря», о её создателях и знаменитых правителях.

А чтобы представить всё это наглядно, он пригласил нас прогуляться по нескольким залам воздвигнутой из старинного камня «Крепости Кириллицы», олицетворяющей твердыню славянской письменности, её стража, объединителя и представляющей собой культурно-исторический комплекс внушительных размеров. В галерее, расположенной на первом этаже, перед нами в живописных полотнах предстала вся история создания кириллицы и обретения её славянским миром: от предсмертного обращения-завещания Кирилла к Мефодию до крещения болгар в православную веру и принятия монашества царём Борисом. Все эти картины написаны по заказам и по сюжетам Александяна, ставшего за два десятилетия настоящим экспертом и знатоком истории письменности и христианства славян. Работы выполнены известными болгарскими мастерами кисти Иваном Узуновым, Михайлой Михайловой, Валентином Голешевым и представляют

Карен Александян

настоящую художественную ценность. Можно с уверенностью сказать, что подобной галереи не существует больше нигде.

Название зала «Создание азбуки» говорит само за себя и переносит нас в средневековую атмосферу, в дом упомянутого Есхача — вельможи и верного соратника Бориса, укравшего у себя учеников Кирилла и Мефодия. В виде восковых скульптур, созданных болгарским художником Борисом Борисовым, перед нами предстают, как живые, Климент, Наум и Ангеларий, увлеченно работающие над рождающейся на свет кириллицей. А вдоль стен протянулись большие деревянные панно с искусно вырезанными на них алфавитами глаголицы и кириллицы, а также выписанные изящной вязью слова «Бог», «Вера», «Дух», «Климент». Несмотря на, казалось бы, не очень большой размер, который скрадывается «средневековыми» каменными стенами и потолком, зал вмещает 500 человек, он оснащён современными мультимедиа, и в его особой ауре, думается, очень хорошо проводить вечера, концерты и праздники, соответствующие царящей тут атмосфере.

Дальше лестница ведёт на второй этаж крепости, во владения «Болгарской славы». Многие наши современники, знающие Болгарию как одну из небольших стран, довольно скромных на фоне нынешних государств-лидеров Европы, наверное, даже и не представляют, что когда-то её предшественниками были процветающие и всесильные Одрисское, Первое и Второе Болгарские царства, перед которыми трепетали Рим и Византия. Знаменитый гладиатор-фракиец Спартак из Одрисского царства был, по сути, далёкой предтечей болгар. А их пращур, властитель Крум не зря именовался Грозным: наголову разбив в очередной войне византийцев, он, в соответствии с тогдашними языческими нравами, сделал себе кубок для вина из черепа их правителя. С этим кубком он и стоит в виде восковой скульптуры в Зале славы рядом с создателем древней Великой Болгарии Курбатом и его сыном Аспарухом, провозгласившим после победы над теми же византийцами в 681 году: «Здесь будет Болгария!».

Наследник Аспаруха Тервел с мечом в руке был назван в своё время «Спасителем Европы», поскольку сумел со своими войнами остановить и разгромить огромную арабскую армию, вторгшуюся на континент. Немалыми славными делами овеял своё имя и Омуртаг, создатель Первого Болгарского царства, который, судя по его деяниям, придавал значение слову и созиданию гораздо больше, чем мечу. Ну и, конечно, венчает Зал славы восковая скульптура Бориса Крестителя на троне, давшего болгарам не только христианскую веру, но и, как уже упоминалось, единый язык и собственную письменность. Болгария в те далёкие времена своего «золотого века», по сути, являлась империей, включавшей многие нынешние европейские государства и простиравшаяся от Карпат до Эгейского моря и от Чёрного моря до Адриатического. Выйдя из этого зала, понимаешь, на чём зиждилось и почему прорвалось в последние века стремление болгар к воле и независимости, которое не смогли сломить даже пять веков османского ига.

Алексянц распахнул ворота новорожденного историко-культурного комплекса весной 2015 года, когда вся Болгария праздновала 1150-летие своего крещения в христианскую веру. В те дни в Плиску хлынули тысячи паломников и, конечно же, они не миновали «Двор Кириллицы», открывая его с восторгом и благоговением. Писатель Христо Стоянов тут же окрестил мемориал «культурным феноменом, который стоит выше всех министерств культуры». А поэтесса Елка Няголова, президент Славянской академии литературы и искусства, назвала парад букв «каменным паспортом каждого болгарина» и на следующий год привезла во «Двор Кириллицы» участников фестивалю поэзии «Славянское объятие» со всей Европы и даже Азии.

Ну, а Карен двинулся дальше и задумал Аллею писателей, где решил представить литературных классиков всех народов, когда-либо писавших и пишущих на кириллице, — в виде скульптурных портретов. Начало аллею было положено 1 ноября 2017 года, в болгарский «День народных будителей», когда на первый пьедестал торжественно установили скульптуру поэта с мировым именем Пейо Яворова. Бюст выполнил армянский мастер из болгарского Пловдива Аршак Тжикян. Он же высypал в основание постамента горсть земли и положил букет цветов со двора родного дома классика, сделав это традиционным ритуалом. Затем рядом с Яворовым встали его знаменитые земляки-продолжатели Иван Вазов и Христо Ботев. Следом появились сербы — первый лауреат Нобелевской премии из южных славян Иво Андрич и его собрат Вук Караджич и Бронислав Нушич.

Одна из внутренних стен, ограждающих аллею, была отдана под барельефы детских писателей, которых сегодня уже 14: из Болгарии, Украины, Белоруссии, Сербии, Молдовы, Македонии, Монголии и других стран. Конечно же, наши взоры сразу же притянули родные с детства профили Маршака, Агнии Барто, Сергея Михалкова...

Русские писатели-классики образовали на аллее особую линию, которую открыли Пушкин, Достоевский и Есенин. Нынешней весной и летом к ним присоединятся юбиляры 2018 года: Толстой, Тургенев, Крылов, Горький и Высоцкий. Из писателей народов России уже представлены основоположник осетинской литературы Коста Хетагуров, патриархи ингушской и чувашской литературы Идрис Базоркин и Николай Ильбеков.

Надо отметить, что на предложения Карена Алексянца откликнулись почти все национальные регионы России, где литература создаётся на кириллице. Во многих местах уже идёт работа над скульптурами, причём, их создают самые лучшие ваятели. Таковы условия Алексянца, который сам оплачивает работу скульпторов. От участников этого масштабного проекта он требует только одного — чтобы они сами привезли в Плиску готовый бюст вместе с горстью родной земли писателя и торжественно открыли памятник на аллее.

Из всего перечисленного в публикации очевидно, что создание и развитие такого уникального комплекса, его содержание, включая неупомянутую нами инфраструктуру по обслуживанию паломников и туристов, требует огромных затрат, которые, конечно же, совсем не окупаются недорогими билетами. Но Карен Алексянц, успешно занимаясь бизнесом в других сферах, вкладывает все прибыли от них в «Дом Кириллицы», сделав его смыслом жизни. Вот такой он «неправильный» бизнесмен и очень правильный, светлой души и высоких помыслов человек. Та самая Личность в истории, без которой, как поётся в песне, «здесь ничего бы не стояло...».

Как не было бы, наверное, нашей с вами родной азбуки, не появившись на свет в городе Фессалоники два великих брата — Кирилл и Мефодий...

Сам Карен так объяснил свою позицию: — «Двор Кириллицы» — это моё дитя, и, как положено родителю, я должен содержать его до совершеннолетия, а не наоборот. Сегодня болгары живут небогато, далеко не все они могут себе позволить посетить ресторан, поселиться в гостинице, но теперь почти каждый имеет возможность побывать в этом месте, прикоснуться к своим истокам. И если с годами о нашем комплексе узнают все 500 миллионов жителей Земли, пишущих на кириллице, если он станет местом их единения и постепенно превратится в славянскую святыню, — исполнится моё самое заветное желание...

Остаётся только выразить уверенность, что желание Карена Алексянца непременно сбудется!

Владимир КРУПИН

Долго рассказывать и не надо, как я попал в Страстную субботу в Храм Гроба Господня. Мне же надо было перебраться из палестинской территории на израильскую. В начале седьмого утра я был у ворот Вечного города, вошёл в них, дошёл до храма, но... уже всюду были войска, полиция, в храм не пускали. В храме, я знал, были те из паломников, которые вошли туда чуть ли не за сутки до двух часов следующего дня, то есть до того времени, когда на Гроб Господень нисходит небесный Благодатный огонь. Схождение Огня — это важнейшее событие жизни Земли, это планетарное потрясение, которое продлевает существование рода человеческого ещё на год

У меня заранее, ещё в Вифлееме, в храме Рождества были куплены пучки свечей, в каждом — тридцать три свечи, по числу земных лет Спасителя. Я утешал себя: вынесут же Огонь и на площадь, и на улицы, и я всё равно же обожгу свои свечи Благодатным огнём. Если он будет.

Узенькие улицы были пусты, только мелькали на перекрёстках полицейские да внутри лавочек, за закрытыми ставнями, что-то скреблось и стучало. Тут Господь мне послал рабу Божию Евтихию. Она сама подошла, видя, что я озираюсь и читаю таблички.

— Вы ищете Скорбный путь?

— Да, конечно, да.

— Идёмте.

И Евтихия провела меня по Крестному пути Спасителя, по виа Долорозе. Сколько раз я мысленно шёл по нему, и вот — наяву. Потом я сопоставлял свои представления с реальностью, всё совпало. Только я представлял путь более крутым и прямым, а он пологий и извилистый.

История Евтихии была проста: её дочь вышла замуж за израильтянина. Потом они уговорили мать приехать к ним жить. — Говорили, навсегда. Я всё продала, перевела в доллары, привезла. А оказалось, нужна была им как нянька. Вынянчила внучку и стала не нужна. Уеду умирать к сыну. Вот ещё попросила зятя свозить на Синай. И всё. И уеду. Сын примет и без денег.

Евтихия шла на утреннюю службу к гробнице Божией Матери, я пошёл с нею. Вышли из Старого города, перешли Кедрон.

По-прежнему было пустынно. Евтихия показала Гефсиманский сад, церковь Марии Магдалины на склоне Елеонской горы, и мы, поклонясь друг другу, простились.

На ступенях гробницы по бокам горели свечи. Внизу, под гирляндами лампад, греки начинали служить литургию. Подождя, насколько было можно, к гробнице, я упал на колени и молился Той, Чьим Домом стала Россия, под Чьим покровом мы спасаемся. «О, Всепетая Мати», — так стало сладко и отрадно, что я — православный, русский, что мне не стыдно за своё Отечество, не забывшее Божию Матерь.

Взял на память белых свечей и пошёл в Гефсиманский сад. Маслины, низкие, огромной толщины, корявые, были зелены. Лишь та, у которой, по преданию, Иуда лобзанием своим предал Христа, была мертва, суха, в коростах жёлтой плесени. А место, где повесился Иуда, тоже было недалеко, но я туда не пошёл.

В католическом храме у Гефсиманского сада тоже шёл... молебен, но молебен ли это был? Молящаяся... но молящаяся ли молодёжь была? Скорее, поющая. Сидели они в открытом алтаре... Брякали на гитарах и пели. Слава Богу, и здесь было на что перебраться, было распятие. Я вышел, обошёл молясь сад, подобрал несколько продолговатых листочков, пришёл к закрытым

воротах храма Марии Магдалины, прочёл молитвы, поклонился мощам преподобно-мученицы Елизаветы и инокини Варвары.

И вернулся через Гефсиманские ворота к храму святой Анны, к Претории, откуда начался Крестный путь Спасителя. И... ничего не узнавал. Как, ведь только что, часа полтора назад, мне всё показала Евтихия, я всё запомнил, хотел в одиночку пройти весь Крестный путь. Но где он? Всё кругом кипело, кричало, торговало, продавало и покупало. Неслись мальчишки с подносами, продирались тележки с товарами, ехали велосипеды с большими багажниками или же с прицепами. Меня хватили за руки, совали прямо в лицо разную мелочь. Безошибочно узнавали во мне русского. А ведь только

Патриарх Иерусалимский Диодор с Благодатным огнём. Архивное фото.

русских и можно так легко обмануть. Торговаться мы не умеем и не любим, это наше достоинство на Ближнем Востоке принимается за недостаток. Араб или еврей, я их не всегда различал, тряс связкой чётков и кричал: «Чётки — десять долларов».

Скорбный путь описан стократно, он такой и есть, как на фотографиях: вот дом Вероники, вот тут Симона Кириинеянина заставили нести крест. Симон ехал с сыновьями на поле. Он понёс крест, а сыновья поехали дальше. Тут Антониева башня. Отполированные камни улицы холодили босые подошвы. Вот след руки Спасителя. Изнемогая, Он прислонился к стене. У следа Его ладони фотографировались, примеряя к впадине свои ладони и обсуждая размер, какие-то европейцы. Я ощутил в себе подпирающую к горлу печаль: да что ж это я такой бесчувственный, я же на Скорбном пути, я же не турист — ходить по схемам буклетов. Я пытался найти хотя бы какой уголок, где бы мог стать один, чтоб не толкали, чтоб помолиться. Но если и был какой выступ, он не защищал от шума и крика торговцев. Сам виноват, думал я. Чего поехал, если не достиг той степени спокойствия души, когда она открыта только для Бога и закрыта для остального?

Незакатный свет

Паломнические заметки православного писателя Владимира Крутина

Вот резкий поворот налево, вот вскоре ещё более резкий направо, и я упёрся в плотную цепь патрулей. Цепь эту преодолели или по пропускам, или за деньги. Деньги брали открыто и хладнокровно. Ни денег, ни пропуска у меня не было.

Совершенно расстроенный, пошёл вниз, снова к Гефсиманским воротам, вернулся, снова упёрся в ещё более усиленные цепи охраны. Между тем солнце поднялось и проникало даже в тесные улочки. Время перешло одиннадцатый час. Страстная суббота. В это время над Спасителем были сомкнутые своды каменной пещеры, огромный камень прикрывал вход. У входа сидели солдаты, обсуждали вчерашнюю казнь. Приходили и любопытные иудеи, радовались, что Мессия оказался простым смертным. И какой это Мессия, он не дал иудеям ни власти, ни денег, изгнал из храма торговцев, говорил о бесплезности собрания земного богатства. Нет, к иудеям придёт их, настоящий Мессия, даст власть над людьми и пространствами. Все будут в подчинении у богоизбранного народа. Ученики Христа разошлись, боялись даже встречаться друг с другом взглядами. Уже думали после погребения вернуться в Галилею к своему рыбацкому промыслу. Суббота после страшной пятницы, день скорби, день плача, день отчаяния...

Вдруг раздались громкие звуки оркестров, барабаны, крики. Толпа хлынула на их зов. Меня понесло вместе с толпой к Новым воротам. Но что-то вдруг — и с этого момента я уже не руководил своими действиями, — что-то вдруг повернуло в одну из улочек, и я выскочил из Старого города через Яффские ворота. Потом я пытался понять: как же я всё-таки смог попасть в Храм Гроба Господня? Только Божией милостью. Как я прошёл три плотные стены оцепления, как потом проник через три кордона охраны, не знаю. Я стоял на тротуаре, в коридор, проделанный в толпе полицией, входили... как сказать, делегации? Лучше сказать, представители различных конфессий: армяне, копты, греки, с греками шли наши. Очень походило на открытие Олимпийских игр. Оркестры наяривали вовсю. Хоругви и иконы, несомые как на митинг, подбрасывали и крутили, на ходу плясали. Может, подражали царю Давиду, плясавшему пред Ковчегом?

Кто, в какой момент толкнул меня в спину, как я совершенно спокойно прошёл охранников, не знаю. Бог весть. Как потом прошёл ещё три кордона, на которых безжалостно вышвыривали из рядов не членов делегаций, не знаю. Последний кордон был особенно жёстким фильтром. В грудь мне упёрся здоровенный полицейский, а так как полиция в Иерусалиме сплошь русскоговорящая, то он и спросил по-русски: «А ты куда?» Почему, не знаю, я сказал неожиданно для себя: «Я батюшечкам помогаю», — и помню, сказал с такой уверенностью и силой, что полицейский отступил, сказав: «Верю, верю». Я ещё успел даже кинуться на колени и приложиться к колонне, из которой вышел Благодатный огонь именно для православных, когда однажды их оттеснили от Гроба Господня армяне.

Как раз именно с армянами я и прошёл в храм. Меня вознесло общим движением на второй ярус, рядом с часовней Гроба, с Кувуклией. Теперь, когда гляжу на фотографии внутреннего вида Храма, то вижу слева от часовни на втором ярусе тот пролёт, ту арку, в которой был в ту Страстную субботу. Народа было в храме набито битком. И всё прибывало и прибывало. Полицейские не церемонились, расчищали дорогу вокруг часовни. Упорно не желавших покинуть место у часовни про-

сто оттаскивали. И даже били дубинками. Красивая девушка в полицейской форме хладнокровно, будто на молотбе, лупила дубинкой по голове и спине. Изгнав непослушного, она вновь что-то продолжала рассказывать друзьям по работе. Солдаты, в касках и с рациями, стояли кучками в разных местах.

И что-то невообразимое творилось во всём храме, особенно у алтаря часовни. Молодёжь кричала, пела, плясала. Девушки в брюках прыгали на шею крепким юношам, и юноши плясали вместе со своим живым грузом. Колотили в бубны, трубили в трубы. Арабы, как дети, они считают, что если не будут кричать, то Господь их не заметит. Такой менталитет. Иногда они начинали враз свистеть. Я впервые ощутил физическую осязаемость свиста. В это время воздух в храме становился будто стеклянным.

В тесноте и пестроте пробившихся в храм сразу были различимы лица и православных паломников. Наших я узнавал сразу. По выражению лиц, особенно глаз.

лиция вновь расширила коридор вокруг часовни. Входили священнослужители, вносили Патриарха Иерусалимского Дидора. Его принесли на носилках. Слабой рукой, невысоко её поднимая, он благословлял... молящихся или, лучше сказать, собравшихся. Его обнесли один раз, он слез с носилок у входа в Гроб Господень и стоял, а остальные священники обошли часовню ещё два раза. В шуме не было слышно слов молитвы, но мы знаем, что в это время поётся воскресная стихира шестого гласа: «Воскресение Твоё, Христе Спасе, Ангели поют на небесах; и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити».

Принесённые в храм иконы и хоругви выстроились по сторонам входа в Гроб Господень. На возвышении с патриарха снимали верхние облачения. Он остался в подризнике. Арабы в форме турецких солдат демонстративно обыскали патриарха. Потом была снята печать, и дверь, олицетворяющая камень, закрывавший пещеру, открылась.

Губы шептали молитвы. Если бы не спокойствие и молитвенность православных, что же бы тогда окончательно было в храме? Я потрясённо думал, оглохший от криков и свиста, ужасающийся тому, как били и вышвыривали людей, да мало того, у полицейских был ещё и такой приём: чтобы кого-то образумить, они направляли на него рупор мегафона и резко кричали. Многократно усиленный звук, видимо, ломал барабанные ушные перепонки и вводил человека в шок. Его, бесчувственного, утаскивали. И вот я думал: не может быть, чтобы вот сюда этим людям, нам, таким грешным, Господь низвёл с небес Огонь. За что? Да в пору под нами разверзаться земле, поглощать нас в бездну, чтобы очистить место под небесами для других, достойных.

Мало того, началась драка. В храм ворвались крепкие парни лет между тридцатью и сорока. В белых футболках, с красными платочками на шее, будто с галстуками — чтобы в драке видеть своих. Дрались копты и армяне. До крови. Появление крови вызвало крики ликования. Полиция работала дубинками всерьёз, драку подавили. Раненого увели. Барабаны и бубны, трубы и свист усилились. Из-за чего дрались? Говорят, традиция. Примерно к часу по-

И вот наконец-то, около двух часов дня, в храме стало всё тише и тише — и стало так тихо, что слепому показалось бы, что он один в этом огромном пространстве. Здесь наступили такие щемящие минуты ожидания, так, уверен, все молились о ниспослании Огня, и думаю, все так искренне калялись, что именно по его грехам Огонь медлит сойти, что вот тут-то все были единомысленны и единомолитвенны. В эти минуты все особенно остро понимали, что Огонь от Господа сходит с небес только на православную Пасху.

И вот здесь я воочию увидел то, что никогда не пойму и не объясню своим слабым умом. Луч солнца, падающий с небес от купола, как раз с моей стороны, стал... ходить по часовне. Я думал, у меня что-то с головой. Ведь для того чтобы луч солнца двигался вправо и влево, нужно было бы одно из двух: или чтобы весь храм двигался туда и сюда, или чтобы солнце раскачалось на своей орбите.

В это же время слабые то белые, то голубоватые всполохи огоньков стали появляться в разных местах храма: то они сбегали струйкой по колоннам, то вспыхивали вверху или прямо над головами. О, тут уже все поняли, что это идёт Благодатный огонь, тут уже такой крик под-

нялся! Кто плакал, кто хватал в объятия соседа. Из окна часовни патриарх поддал горящие свечи. Но уже Огонь был всюду. Потом говорили, что у одного нашего дьякона в руках загорелись свечи, хотя он был далеко от Гроба. Я, грешный, этого не удостоился. Но у монашки, стоявшей рядом, загорелись. Я от них зажгёт свои. Пламя было сильным, светло-голубым и ласковым, тёплым. У меня было четырнадцать пучков. Прямо костёр пылал у меня в руках, и я окунал в этот костёр своё мокрое лицо.

Всюду были огни. И уже я не слышал криков, будто эти огни выжгли всё плохое в храме и вокруг, оставив только ликование. Горящими свечами крестились, водили Огнём по лицу, погружали в Огонь руки, дышали Огнём, который не жёг.

Но уже бежали полицейские и требовали гасить свечи: много дыма поднималось от них и заполняло пространство. Тут снова я был свидетелем чудес: весь храм стал небесно-голубым, и запах от горения явно не восковых, не медовых свечей стал вдру-

ладанным, благоухающим. Вскоре — как вскоре, не знаю — голубое, небесное сияние сменилось внезапно утренне-розовым. А лучи солнца и при голубом, и при розовом были золотыми.

У выхода из храма, у Камня помазания, началась давка, вновь ошутились крики, это полицейские расшвыривали людей, чтобы дать дорогу носилкам с патриархом Диодором. Совершенно бледный, измученный, он улыбался и благословлял на обе стороны. Носилки вынесли, давка усилилась, будто люди получили разрешение ещё на год давить и попирать друг друга. В толпе кричали на женщину с большим жестяным фонарём. От него отскакивали. Внутри фонаря горели три толстые свечи. Конечно, это была русская. По примеру русских паломников прежнего времени, она вознамерилась увезти на родину Благодатный огонь. Я перехватил у неё фонарь и поднял его выше голов. Нас разнесло в разные стороны. И только на площади перед храмом встретились. Она, вся заплаканная, подбежала и только спрашивала: «Как тебя зовут, как тебя зовут?» — «А тебя как?» — улыбаясь, отдавая ей раскалённый фонарь, спросил я. «Да я-то что, я-то Эмилия». Святая Земля! Живи вовеки, и мы не умрём.